

ПАТРИК ГРЕЙ *и* ДЖАСТИН СКИСАК

Я БУДУ

ИСТОРИЯ О ПУТЕШЕСТВИИ В 800 КМ, Эстелла

ТОЛКАТЬ

О ДВУХ ЛУЧШИХ ДРУЗЬЯХ
И ОДНОЙ ИНВАЛИДНОЙ КОЛЯСКЕ

ТЕБЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ ДОНАЛЬДА МИЛЛЕРА

Добро побеждает. Истории на пределе

Патрик Грей

**Я буду толкать тебя. История
о путешествии в 800 км,
о двух лучших друзьях и
одной инвалидной коляске**

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Сое)-44

Грей П.

Я буду толкать тебя. История о путешествии в 800 км, о двух лучших друзьях и одной инвалидной коляске / П. Грей — «Эксмо», 2019 — (Добро побеждает. Истории на пределе)

ISBN 978-5-04-105353-6

Патрик Грей и Джастин Скисак – лучшие друзья, знакомые с детства. Они родились с разницей в пару дней, росли в нескольких километрах друг от друга; вместе учились, занимались спортом, влюблялись и выросли. Сегодня их дружбе уже почти 40 лет, и от сотен других аналогичных историй их отличает одно обстоятельство: они вместе преодолели паломнический путь в Испании длиной 800 километров, причем один из них – в инвалидной коляске. «Я буду толкать тебя» – история о нереальной выдержке, силе духа и искренней любви, основанная на одноименном фильме о приключениях двух друзей на Камино-де-Сантьяго. Авторы живо, эмоционально и непосредственно рассказывают о самом Пути и о событиях, которые привели их в нужное время в нужное место. История Джастина и Патрика вдохновляет на свершения и перемены в жизни, мотивирует на преодоление трудностей, подчеркивая, как важны взаимопомощь и поддержка.

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-105353-6

© Грей П., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Предисловие	6
Пролог	7
Часть I. Начинания	8
1. Ответы и вопросы	8
2. Телефонные звонки	12
3. Я буду толкать тебя	15
Часть II. Подготовка	18
4. Отпуск	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Патрик Грей, Джастин Скисак Я буду толкать тебя. История о путешествии в 800 км, о двух лучших друзьях и одной инвалидной коляске

Patrick Gray
Justin Skeesuck
I'll Push You

Copyright © 2017 by Patrick Gray & Justin Skeesuck
Russian edition © 2019 by Eksmo Publ. House with permission of Tyndale House Publishers,
Inc. All rights reserved

© Измайлов В. А., перевод на русский язык, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

*Нашим женам
Спасибо, что любите нас, смеетесь с нами (и часто над нами) и
закатываете глаза лишь с половины наших шуток
Нашим детям
Не забывайте, нечто невозможно потому, что за него никто еще
не брался!
Мечтайте с размахом!*

Предисловие

Я литератор, и почти всю жизнь я изучал истории – как создавать их, из каких кирпичиков строить, как поведать их лучше всего... Долгие годы я записывал их, рассказывал, учил этому других, и многими из них был очарован – историями о том, как жертвы совершают подвиг, как обретают свободу от страданий, как поразительно объединяет спутников дорога... Эти истории способны переменить ваш взгляд и на себя, и на мир – но слишком часто навеяны фантазией, влечениями сердца и томлением души. Мне редко встречалась история, прожитая в реальности будней, такая, героем которой – или героями, как здесь – легко могли бы стать и вы, и я: обычные люди, избравшие необычную жизнь.

Впервые встретив Джастина Скисака и Патрика Грея, я понял: они не такие, как мы. В них было нечто иное. Из них словно родник било желание жить и делиться замечательной надеждой со всеми, кто встретится на пути. Но только услышав их историю, я по-настоящему оценил их дружбу и понял, сколь много надежды и сил способны дарить наши отношения.

О самой истории – и о книге «Я буду толкать тебя» – я узнал в 2015 году, в октябре. Тогда уже минуло больше года со времени их невозможного свершения – вернее, много кем прежде названного «невозможным». Да, их путешествие по дорогам Испании – восемьсот километров на инвалидной коляске – и правда поражает. Но все же ярчайшая часть их приключений – это их невероятная любовь друг к другу, которую ничто не в силах угасить.

Сплошь и рядом мы ограждаем себя неприступными стенами и не можем открыться, боясь душевных ран. Но эти двое переопределили само понятие дружбы. Они бросили вызов и привычному взгляду на близость, и многому из того, к чему мы давно привыкли. Глубокая дружба уберегла их, не позволила пасть жертвой страданий и избавила от пережитой боли, а нам открыла их прекрасное приключение, поистине достойное своего имени.

С этих страниц их история говорит нам: Бог создал нас не для одинокой жизни. Он не задумывал нас одинокими. Из книги ясно как день, что значит идти по жизни вместе, – и к чему мы способны прийти, если решим носить бремена друг друга. Джастин и Патрик дают нам увидеть и ту красоту, что рождается, когда мы добровольно вершим свое призвание и идем на услышанный зов, и ту спасительную силу, что проявляет себя, если мы позволяем другим любить нас такими, какие мы есть, со всеми нашими несовершенствами.

Но берегитесь! Если решите прочесть об этом потрясающем свидетельстве жизни, дружбы и веры, вам бросят вызов, и вас захлестнет жажда приключений – и так уже вошедших в вашу жизнь, только пока еще незримо. Дело не в сотнях километров пройденных чужеземных дорог, а в свободе жить. И все мы вольны открыть эту свободу, если позволим своим отношениям раскрыть их изначальную суть.

Я буду толкать тебя – добро пожаловать!

Дональд Миллер

Пролог

Передо мной, от края до края – чистейшая небесная лазурь. Далекие холмы укрывает трава: изумрудная, золотая. У древесных подножий, по земле, по камням, тянутся длинные тени. В листве, отдаваясь в тиши, звенит птичья трель, и я вновь слышу голос.

Так красиво... и больно... как больно...

Прошибает холодный пот. Руки слабнут. А, да что мне те руки?

Сколько еще выдержит тело? Или это все? Конец? И теперь я бессилен?

С каждым шагом в ноги наливают свинец. Икры взрываются болью. Я хочу это остановить... просто остановить... пожалуйста, остановите это!

Большие времена. Я думал, у меня большие времена.

Да, я этого боялся, но верил, будто настигнет под конец. А теперь только десять шагов – и мне вновь нужен отдых.

Просто успокойся и пробейся сквозь боль.

Десять? Я не в силах пройти и восьми: боль охватывает бедра, и икры трясет.

Отдохнуть... только пару минут...

Я решаю идти, но еще пять шагов, и боль почти запредельна, а слабость идет все дальше. Отвожу назад правую ногу – растянуть икроножные мышцы. На мгновение боль исчезает. Тяну левую, мне легче, и кажется, справлюсь, но три шага – и понимаю: нет, я не прав. Вот и все. Мои ноги уже не идут.

Почему? Почему сейчас?

Я нахожу где сесть, но боль не стихает. Стискиваю зубы, давлю желание закричать от злости и горечи. Руки сжимаются в кулаки, волной накатывает гнев. Я на грани, я хочу отшвырнуть от себя эту усталость, выплеснуть это разочарование, эту ярость, эту боль...

Мое тело меня подводит. Еще хуже, подвожу я – жену, детей, друзей.

Всегда, всю жизнь я был уверен в себе. Я держал все под контролем. Но сейчас моя уверенность – прах на ветру. И от этого чувства не скрыться.

Часть I. Начинания

1. Ответы и вопросы

Джастин

Сколько часов я за последние тринадцать лет провел в приемной? Уже и не считаю. Бесконечные биопсии мышц, МРТ, кровь на анализ, все время чем-то щупают, тычут, ковыряют, а диагноза как не было, так и нет.

В школе к врачам со мной обычно ходил лучший друг, Патрик Грей, но теперь это немного накладно: его дом в Айдахо, мой в Южной Калифорнии, и я уже давно, после того как перебрался в Сан-Диего, не раз дожидался ответов в гордом одиночестве. Сегодня, слава богу, со мной жена, Кирстин.

Открывается дверь в смотровую, и Дженнифер, помощница врача, оглядывает враз ожившую приемную. Ловлю ее взгляд. Она прекрасно знает и меня, и Кирстин, но вызывает все равно формально:

– Джастин Скисак!

Пока я поднимаюсь – на ортезах и с тростью, без них и стоять не получится, – Кирстин уже у двери. Она знает: я хочу дойти сам. Да, будет долго. Но сам. Идем по коридору. Кирстин и Дженнифер не спешат, чтобы я не отстал.

– Хорошая трость, Джастин, – замечает сестра у самого порога. – Новая?

Я смотрю вниз, на темный пурпур древесины.

– Да. Лучший друг сделал.

– Прекрасная.

Когда слабость перешла с моей левой ноги еще и на правую, Патрик купил амарантовую доску, а потом дневал и ночевал в гараже с лобзиком и инструментами для шлифовки – превращал ее в красивую трость, будущий символ нашей заветной дружбы.

– Доктор будет через пару минут, – говорит Дженнифер, когда мы садимся, и, улыбнувшись на прощание, тихо прикрывает дверь.

Кирстин готова ждать: она достает из сумочки журнал и, коротая время, листает страницы. Оседаю на стуле, прикиваю головой к стене, закрываю глаза, и мир замирает.

– Что-то он дольше обычного, – вдруг слышу я голос жены. Она меняет журнал.

– В приемной людей много, – отзываюсь я. – Хоть бы на этот раз с ответами пришел.

Годами целая когорта неврологов все силилась понять, что с моим телом. Картина схожа с массой хворей, да с тем же боковым амиотрофическим склерозом. Но целиком – ни с одной. Дай бог, хоть эта череда проверок, анализов, биопсий завершится прорывом, – и даст мне, пусть даже смутно, представить, что меня ждет!

Мне бы и просто названия хватило. Врачи уже ставили четыре диагноза, и все неверные. Видать, моя болячка такая редкая, что им и неведомо, есть ли у нее вообще имя.

Наконец входит врач. Садится на табурет с колесиками. Его белый халат вольно накинут на твидовый пиджак. Стрижка с пробором, редкая проседь, большие очки в металлической оправе. В руке – моя история болезни. Он мельком проглядывает ее и смотрит сквозь линзы на меня и Кирстин.

– Ну что, как вы?

На лице – призрак улыбки.

– Жажду ответов, – усмехаюсь я, – но жду новых вопросов.

– Справедливо. Ладно, будет вам и то, и то.

Он не любитель болтать и быстро начинает осмотр. Проходит с головы до ног – заглядывает в глаза, слушает сердце и легкие, проверяет давление и рефлексy, пробует, болят ли суставы, а под конец оценивает силу моих рук – убедиться, что слабость не прошла дальше, – и, на вид довольный, говорит:

– Давайте пройдемся.

Мы вновь выходим в коридор и следуем за ним, как и десятки раз прежде, в тишь его кабинета, на удивление маленького, где посреди большой стол, а вокруг – стеллажи с медицинскими журналами и книгами, названий которых мне просто не выговорить. На стене, на самом видном месте, диплом Гарварда и грамоты в рамке. Врач устраивается в кресле, мы – напротив.

– Мы как никогда уверены в диагнозе, – сообщает он.

– Хорошо, – отзываюсь я. – У него название есть?

Доктор едва уловимо напрягается.

– Мы почти убеждены, что у вас многоочаговая аутоиммунная моторная аксонопатия. «МАМА», если вкратце.

– А что это? – спрашивает Кирстин.

– Во многом похоже на боковой амиотрофический склероз. Потому Джастину сперва и поставили неверный диагноз. – Он оборачивается ко мне. – Ваша иммунная система атакует нервную, и блокируются двигательные нервы. На чувствительные болезнь не влияет. Только на вашу способность двигаться. Обычно она поражает отдельные области тела, но у вас ударила по всему, что ниже пояса, – и этим, наряду с другими причинами, осложнила постановку диагноза. Такая аксонопатия обычно начинается с рук. А случаи столь обширных поражений, как ваше, довольно редки.

Жена чуть подается вперед и хватает меня за руку.

– Хуже станет? Сколько у нас времени?

– Как я сказал, у нас есть и вопросы, и ответы. – Он на миг умолкает. – Со временем будет хуже. Насколько, мы пока не уверены.

– Так чем грозит? – спрашиваю я.

– Вероятными осложнениями. А они – вашей смертью.

Слышу, как медленно и глубоко вздыхает Кирстин. Она плачет.

Не первый раз мне говорят, что я умру. Изначально диагностировали БАС, и доктор сказал: вам жить четыре года. С тех пор минуло почти девять. На этот раз срок неизвестен, но и прогноз другой. Все как-то пореальней.

– А причина известна? – спрашиваю я.

– Ну... в точности нет. Да и последствия тоже. Но иногда болезни следуют за травмой. – Он снова умолкает и собирается с мыслями. – Мы думаем, у вас она таилась с детских лет – и пробудить ее могла ваша автоавария.

– Что?

Со дня аварии прошло тринадцать лет.

* * *

Я как вчера помню то ясное морозное апрельское утро. Шел 1991 год. Над моим родным Онтарио, штат Орегон, сияло чистое небо, рассвет озарял очертания далеких гор, а я вышел за порог и ждал, пока Джейсон, мой друг, отвезет меня на баскетбольный турнир, до которого оставалось меньше часа.

– Да где он? – взбесился я. – Опоздаем же!

И словно по команде, из-за угла вывернул Джейсон – в его маленькой темно-красной «тойоте», четыре года как сошедшей с конвейера. Я заглянул домой, сказал «пока» родителям и пошел к дороге, где дожидались теперь уже меня.

В свои шестнадцать права водить я еще не имел, а Джейсон, новоиспеченный обладатель лицензии, так и жаждал вывести на автостраду свой «бывалый» пикап. Я пристегнул ремни на груди и коленях. Джейсон закрепил поясной, но плечевой как был, так и болтался. Брови вскинулись сами собой:

– Эй, пристегнись!

Он лишь осклабился и завел мотор.

Несколько минут – и мы неслись по I-84 на восток в Нампу, штат Айдахо, к Северо-Западному Назорейскому колледжу, и даже в темных очках шурились от солнца, бывшего в просвет меж козырьками пикапа и далекими вершинами. Мы не поспевали, и Джейсон давил на газ.

Солнце восходило все выше, и блики с востока усилились. Джейсон выжимал 130 километров в час, стремясь домчать нас до зала, но чем быстрее он ехал, тем ясней я понимал, как неровно идет фургон.

Я склонился к магнитоле, найти хорошую музыку, покрутил ручку настройки и вдруг прервался, услышав под ногами громкое *тук, тук, тук!*

Вскинув голову, я увидел, что нас повело вбок и оба правых колеса, соскользнув с асфальтовой кромки, взбивают на раздолбанной обочине грязь и гравий вперемешку с травой. Джейсон силился выровнять машину, а я смотрел, как нас несет на бетонный устой эстакады.

– Джейсон, берегись!

Он резко крутанул руль влево, пытаясь выехать обратно, на дорогу, но переборщил, пикап закружило по трассе, на мгновение нас развернуло лицом на запад, навстречу потоку машин, – а потом мы скользнули через разметку, перевернулись, и скрежет металла по гравию резанул по ушам: пикап с размаху ударился оземь. Все случилось так быстро, что я и заметить не успел, как мы перекатались через сплошную и подлетели.

То был лишь миг, но время словно застыло.

Земля за окном приближалась – медленно, будто в кино. Мысли неслись вихрем. Одна, другая, третья... Пассажирская сторона пикапа в последний раз столкнулась с дорогой, грохот меня оглушил, и все тело отозвалось дрожью.

Это конец?

Что медики скажут семье?

Что скажут родители Патрику?

Когда фургон наконец застыл, я свисал на ремне с сиденья. Джейсон был подо мной. Он наполовину вывалился за водительское окно, спиной под дверную раму, и лишь ямка в земле не давала пикапу его раздавить.

Остановив машины неподалеку, к нам бежали люди: я видел их сквозь разбитое лобовое стекло.

– Джейсон, ты жив?

– Да, – глухо откликнулся он из своего капкана.

– Мне надо выбраться!

Я с криком засадил по стеклу. Хоть бы что. Джейсон! Ему нужно помочь! Я расстегнул ремень, повалился сверху – и услышал его сдавленный стон.

– Слезь с меня! – прохрипел он. – Слезь!

Я встал так, чтобы на него не давить, уперся ногами и пихнул спиной пассажирскую дверь. Без толку. Неведомо как, но я вылез через водительское окно, и только встал, как ко мне кинулись несколько человек.

– Там мой друг! – заорал я. – Его зажало! Помогите!

– Эй, поднимите пикап! – крикнул кто-то. – Может, на колеса станет!

Общими усилиями они приподняли машину, Джейсон затащил себя в кабину, расстегнул ремень и, пока все держали фургон, выполз через окно.

Бог его знает как, но я отделался парой царапин и ушибов. Другу повезло меньше: у него лопнули межпозвоночные диски – впрочем, все могло кончиться намного хуже, учитывая, сколь серьезной была авария.

Четыре месяца спустя, на первом курсе колледжа, мы играли в соккер, я бежал по полю и вдруг заметил, что левая нога движется как-то не так. Я мог бить, мог оттолкнуться, если хотел подкрутить мяч, но отвести стопу назад не получалось. Усилия ничего не давали, я просто шаркал, а порой и спотыкался, задевая о землю мыском.

Я сказал родителям, мы стали разбираться и, решив, что дело именно в ноге, пошли к ортопеду. Он, совершенно ошарашенный, направил нас к неврологу, тот тоже ничего путного не ответил, но сделал гипсовый слепок, с которого нам на заказ изготовили легкий белый пластиковый ортез – стельку, что изгибалась вокруг пятки и удобно поддерживала икру. Жить с ним я мог вполне нормально, да еще и активно.

На одну из примерок со мной пошел Патрик.

Ортез закрепили «липучкой» на голени, я встал, слегка прошелся, и алюминиевые петли по обе стороны лодыжки тоскливо скрипнули.

– Ох, круто! – рассмеялся Патрик. – Любую девчонку разжалобит!

– И как я сам не догадался! – огрызнулся я.

– Ты как в нем?

– Все лучше, чем ногу волочить.

– А мне нравится, когда ты ее волочишь, – усмехнулся он. – Я так лучше смотрюсь!

– Вот ты дурак! – расхохотался я.

– А если серьезно, все здорово. Почти не хромаешь.

Еще несколько шагов, и я воспрянул духом.

– Отлично! Да я и в теннис смогу играть!

Да, с ортезом я махал ракеткой и на младших, и на старших курсах. Я все время следил за слабостью в ноге, и казалось, что худшее позади. Но миновал выпускной, и болезнь двинулась дальше.

* * *

Я никогда не связывал слабость ног и аварию – до сих пор. Кирстин тихо сидит рядом и крепко держит меня за руку. Я так стиснул пальцы, что чувствую ее пульс. Мысли рвут голову на куски.

– Звони Патрику, – говорит жена. – Тебе это нужно.

2. Телефонные звонки

Патрик

На дворе дивный ясный майский день, небо словно сверкает, но я застрял дома и зубрю: скоро экзамен. В окно кабинета, отвлекая, льется ласковый свет. Телефон, слава тебе господи! Так, хватит чтить! «Заведование врачебным уходом в условиях больницы» вполне себе подойдет.

Бросаю взгляд на дисплей: кто там у нас? Ну надо же! Лучший друг, Джастин, из своего Сан-Диего! Мы знакомы всю жизнь, и даже сейчас, за тысячу миль друг от друга, неделя-две – и созваниваемся.

– Да?

– Пэ-э-дди!

Не могу удержаться от смеха. Джастин тысячи раз произносил мое имя нараспев, и я каждый раз невольно улыбаюсь.

– Скиз, как ты? Вроде пару дней как общались. Все хорошо?

В ожидании ответа встаю из-за стола, иду на кухню, плечом прижав к уху телефон, и наливаю себе воды.

– И да и нет, – спокойно говорит он.

– Как твои? В порядке?

– Да, да. Кирстин и Джейден... с ними нормально.

Он умолкает. Хватаю телефон свободной рукой и жму к уху сильнее – не пропустить ни слова.

– Я утром был у невролога, – продолжает Джастин. – Поставили диагноз. Похоже, верный.

– И что?

– Многоочаговая аутоиммунная моторная аксонопатия.

– Что? Язык сломаешь!

– Они называют это «МАМА». Если вкратце.

Джастин рассказывает о визите, а я иду обратно в кабинет. Как легко он говорит о болезни! Как он так может? Впрочем, он из тех, чей стакан всегда наполовину полон.

– И какой прогноз? – спрашиваю я.

– Врач говорит: как пойдет, неизвестно... но с жизнью попрощаюсь.

– Когда?

Мне словно бьют под дых.

– А бог его знает.

Меня трясет. Ставлю стакан на стол и сажусь. Солнце, бьющее в окно, вдруг кажется неярким... и не теплым.

Мы беседуем почти час. Джастин боится, он зол, ему горько – но все-таки он неисправимый оптимист.

Донна, моя жена, узнает обо всем, вернувшись с работы.

– И сколько дают врачи? – спрашивает она.

– Они и сами не знают. Никто не знает. Может, лет пять... может, двадцать.

– Как ты? – Она обнимает меня и приникает поближе.

– Не знаю. – Ее голова у меня на груди. Говорить тяжело, слова вязнут тягучей паутиной. – Он же оформитель... сколько он еще протянет? Как им сводить концы с концами? Он водить-то сможет? А если он умрет, что будет с Кирстин? И с Джейденом?

– Мне очень жаль, – шепчет Донна.

– Вот бы побыть с ним подольше...

* * *

Мы с Джастином знакомы в прямом смысле всю жизнь.

Мы появились на свет в июле 1975 года, с разницей в два дня, в одной и той же больнице, а росли километрах в трех друг от друга – в Онтарио, городке на востоке Орегона, в засушливом сельском краю, где деревья лишь во дворах и парках... ну, и по берегам Змеиной реки. Летом там ветрено, и песок с пустырей и полей бурными вихрями возносится в небо. Да, среди красот земли Господней нашим краям не похвалиться обилием листвы. Но двум ребяташкам-придумщикам и там хватало свободы и простора создавать миры, где было возможно все.

Дом моего детства стоял на улице с видом на грязный, заросший бурьяном пустырь. Напротив, на южной стороне, высилась церковь из белого кирпича, куда ходили наши семьи. Акры пустоши окружали и ее.

Наша «банда» – мы вдвоем, мой младший брат Майкл и наши друзья Грег и Брайан – часами копала ямы, строила крепости и разыгрывала опасные сценки, спасая «своих в тылу врага». Ружьями нам служили палки; листья костра кровельного шли за ножи; под гранаты подходили камни, а стоило вытянуть руки – и нас окутывал огромный силовой барьер.

За домом Джастина, на другой стороне города, были Грязные Карьеры – лесистый край с обилием зарослей и земляных куч, будто срисованный с комиксов про Кальвина и Хоббса. Зимой, когда траву и бесплодную почву укрывал снег, мы надевали зимние пальто, штаны на синтепоне, ботинки и перчатки, натягивали вязаные шапочки по самые глаза и пускались туда искать приключений.

И там, найдя какую-нибудь крутую насыпь, мы мчались по склону на круглых красных ледянках, а то и просто на покрышках, прямо вниз, в каньон. Мимо проносились деревья, зеленые, бурые, а мы отклонялись то влево, то вправо, объезжая усеявшие путь камни и проплешины, до самого-самого дна, – а потом, с ледянками и шинами, шли обратно, наверх, и нам казалось, будто мы проехали целые мили, хотя было там всего ничего.

Да, и каньон тот был одно название, и злодеев, которых крушил наш самодельный арсенал, мы же сами и намечтали, но наши творческие силы росли, а совместные затеи нас объединяли. Да и что за дело, реальны или мнимы наши подвиги? Все мы жили от одной забавы до другой.

Когда мы подросли, забавы перешли с полей на стадионы. Атлеты из нас были не ахти, но игры мы любили – и полыхали духом соперничества, часто превосходившим наш талант. В школе я занимался легкой атлетикой и бейсболом, мы оба играли в футбол, Джастин – в соккер, но его настоящей любовью был теннис. Он играл с пятого класса. И даже в колледже, когда начались проблемы с ногой, и на младших курсах, и на старших, он никогда не сдавался. Он просто старался изо всех сил.

На первом курсе он еще пытался войти в теннисную команду и, хоть не поспевал за другими, играл так, для себя. Но перед рождественскими праздниками он позвонил мне и сказал, что бросил теннис.

– Ракетку отдаю сестре.

– Ты правда все? Больше не можешь?

– Могу только бегать, и то прямо. Вбок не выходит. Левая не тянет, чуть что, спотыкаюсь и падаю.

– И как, держишься?

– Бывает, что накатит. Но я в порядке. Хоть бегаю, и ладно.

Я позвонил через несколько месяцев – провести. Все стало хуже.

– Я не могу бегать.

– Не держат ноги?

– Да. Бежал, и они просто подломились.

– Ох ты... и теннис, и теперь вот это... Так жаль.

– Да нормально. Только скучаю по ветру в лицо, – признался он. – И по свободе движений. Но что поделать?

– Слушай, я поражаюсь. Как ты справляешься? Я бы только и делал что злился.

– Я злюсь, но толку? Хоть хожу.

На следующий год Джастин позвонил сам. Его ноги так ослабли, что и ходил он уже с трудом. Водить он еще мог, но дойти до машины и домой из нее – это была пытка.

– А я дождался, мне билетик дали. На особые парковки...

Его голос был радостнее, чем я ожидал. Да, помню, мы когда-то говорили о том пропуске – мало ли, вдруг пригодится... но мысль о том, что парень, с которым мы носились по полям за церквушкой и гоняли на санках по холмам, от слабости в ногах обречен на синие парковки... казалось, это просто слишком.

– У тебя забрали свободу... Сперва ракетка, потом бег, теперь парковки для инвалидов... Да как ты держишься? Порой такое чувство, что это мне страшнее, чем тебе.

– Да, это сложно, – ответил он. – Но стоит заикнуться на бессилии, и я просто себя сожру. Я не смею поддаваться. По крайней мере, надолго. Я еще многое могу. И буду думать об этом.

Мы пару мгновений молчали, пока я пытался осознать самую суть его реплик, а потом я крепче стиснул телефон и сказал ему единственное, что мог:

– Скиз, если что, я с тобой.

3. Я буду толкать тебя

Джастин

В Сан-Диего прекрасная ленивая суббота. На улице март 2012 года. Я один, в гостиной, на ноге закреплен пульт от телевизора. Я уже не в силах открыть дверь, поднести чашку к губам, застегнуть рубашку... а вот с пультом управляться – получается.

Любой осколочек независимости – величайшая драгоценность. Беру что могу.

Мои мальчишки, Джейден и Ной, играют на заднем дворе, явно что-то там затевают. Лорен, дочка, поет в своей комнате, Кирстин убирает на кухне. В домашней тиши (надо сказать, довольно редкой) включаю телевизор и листаю каналы. О, Рик Стивс на «Пи-Би-Эс»! Рик – европейский гуру путешествий. Всякий раз, когда бываем в Европе, без его знаний, опыта и советов просто никак.

В 2001 году я, Кирстин, Патрик и Донна почти месяц странствовали по Европе: прилетели в Париж, а потом, на поезде, объехали Швейцарию, Австрию, Германию и Бельгию. К тому времени у меня были ортезы на обеих ногах, но на короткие прогулки с женой и друзьями сил еще хватало. Прошло почти одиннадцать лет, а воспоминания все так же яркие. Хотя тогда и у нас, и у Греев было туго с деньгами, мы знали, что должны поехать, и сделали это, пусть и пришлось брать лишние смены и подработки.

И чем сегодня Рик порадует заперов и наркоманов телевидения? Северная Испания? Отлично, там я еще не был.

Смотрю, как Стивс исследует Памплону. Он рассказывает про фиесту Сан-Фермин, про знаменитые «бега от быков» и про то, как повлиял на местную культуру Эрнест Хемингуэй еще в далеком 1926-м, когда издали книгу «И восходит солнце».

Все очень знакомо, пока он не упоминает Камино-де-Сантьяго – путь Святого Иакова, дорогу паломников, почти восемь сотен километров от живописной баскской деревни Сен-Жан-Пье-де-Пор – в двух часах хода от французской границы – до собора в Сантьяго-де-Компостела, где, по слухам, похоронены кости апостола Иакова.

Стивс ведет меня по Пиренеям, по равнинам Северной Испании, через горные хребты на северо-западе, в Галисии, и я околдован. Я вижу, как по древнему пути идут сотни пилигримов, и тут мне приходит мысль.

А я смогу так в коляске?

Не один год мы с Патриком искали идеальный «тур для парней». Думали податься в Германию на Октоберфест, проехать по Восточному побережью или просто потусить где-нибудь на тропическом острове. Но все это было «не то». А теперь, когда Рик открыл мне Камино-де-Сантьяго, я поражен: *вот она, наша поездка!* Я не был ни в чем так уверен с того дня, как повстречал «ее».

* * *

С Кирстин мы впервые встретились спустя пару недель после того, как я окончил колледж.

На вопрос «где?» я всегда отвечаю: в винной лавке через дорогу. На самом деле то вроде был дежурный магазинчик, но вывеска на здании гласила «Алкоголь», и, честно говоря, так интереснее.

Тогда я был в шортах, и ортезы на икрах сигналили: у парня плохо с ногами.

– О, я же видел вас в церкви!

Наверное, она подумала, я к ней подкатываю. Но хоть беседа завязалась. Мы пару минут поговорили, я улыбнулся и сказал:

– Ну, увидимся.

На следующей неделе я снова увидел ее – *в церкви*.

А через несколько дней, когда я доставлял рекламу, которую оформил для лавки тако, она пробежала мимо.

«Третий раз за две недели, – подумал я. – А не пригласить ли ее на свидание?»

Так я и сделал.

И она сказала «да!»

На первом свидании мы пошли в «Каса-де-Пико» в Старом городе Сан-Диего, и вечер я начал со слов:

– У меня прогрессирующее нервно-мышечное заболевание, и не знаю, сколько мне осталось, но подумал, лучше тебе сразу знать.

Вот. Вот так. Посмотрим, что она ответит.

Она на мгновение замолчала:

– Ох.

Я затаил дыхание и напрягся. Явно же выйдет неловко. Но она просто тепло улыбнулась и сказала:

– О'кей.

Вот тогда я и понял.

Это была «она».

* * *

– Милая, не подойдешь?

– Да, конечно, – Кирстин выходит с кухни. – Что?

– Хочу тебе кое-что показать, – киваю я на телевизор.

Она садится рядом на софу.

– А что это? Рик Стивс?

– Просто посмотри минутку.

Кирстин знает: я всегда ищу новые места для наших путешествий. Так мы за долгие годы научились справляться с болезнью – живем на полную, хватаясь за любую соломинку, пока я все еще в силах.

– И как тебе? – спрашиваю я под конец эпизода.

– В смысле?

– Я смогу так в коляске?

Она смотрит на меня и без малейшей паузы отвечает:

– А почему нет? Хочешь – сделай!

Боже, как я ее люблю! Сколь бы безумны ни были мои идеи, сколь бы нереальными они ни казались, она никогда не позволит мне уклониться от их воплощения!

Осталось узнать только одно.

Что скажет Патрик?

* * *

Две недели спустя Патрик, Донна и их дети, Камбрия, Джошуа и Оливия, приезжают к нам на ежегодную встречу.

– Приехали! – кричит моя малышня. Грей заезжают в минивэне на аллею, все обнимаются, багаж уносят в спальни, детишки убегают на задний двор – выплеснуть накопленные силы, – а Донна и Кирстин уходят в столовую поболтать о житейском.

– Пойдем в гостиную, – говорю я Патрику. – Кое-что покажу.

Он улыбается, идет за мной в комнату, садится на стул рядом, берет пульт и кладет его мне на колени.

Я жму кнопку питания и ищу запись шоу Рика Стивса.

Интересно, как это примет Патрик. У нас обоих за эти годы были весьма нелепые идеи, но проехать почти восемьсот километров в инвалидной коляске через чужую страну – это верх по шкале психанутости.

Шоу начинается. Мы смотрим молча. Поглядываю на Патрика, пытаюсь понять, что творится у него в голове. Ему явно интересно, вот только он и понятия не имеет, о чем я намерен спросить.

Конец. Гашу телевизор. Время действовать.

– Хочешь со мной по Испании? Восемьсот километров?

Патрик просто смотрит на меня. За долгие годы я почти всегда читал его как открытую книгу. Но сейчас – не могу.

Да или нет?

Я хоть знаю, о чем его прошу?

У нас была масса затей в прошлом, но такой – никогда.

Не знаю, исполнима ли моя просьба, но знаю другое – я не в силах представить, как иду на такое с кем-то еще.

Его ответ, четыре кратких слова, меняют всю нашу жизнь.

– Я буду толкать тебя.

Часть II. Подготовка

4. Отпуск

Патрик

В Меридиане, штат Айдахо, царит июнь. И он прекрасен. Ослепительно синее небо, яркая зелень травы, воздух искрится от брызг дождевых машин, во всей красе цветут цветы, и люди часами гуляют, радуясь солнцу.

Так и сегодня. Легкий ветерок смирят жару, пока мои детишки носятся по площадке Клейнер-парка. Дети коллег кто на турниках, кто играет в салки с моей старшей, Камбрией. Ей восемь, уже большая. Волосы развеваются на бегу – длинные, светлые. Джошу четыре. Из всех сил пытается угнаться за сестрицей. Оливии только три, сидит на руках у жены. Мы удочерили ее, взяв из Китая. К Америке она уже привыкла, но в толпе по-прежнему нервничает. В китайском приюте ей было непросто, и только на руках у Донны она всегда находит покой.

Донна болтает с новыми знакомыми. Подходят с семьями мои коллеги из больницы Святого Луки. Мы пришли развяться: это запоздалое «весеннее барбекю» – наш заслуженный отдых. А вот приехал с семьей и мой босс Эд. Идет к накрытым скамейкам, где напитки и тарелки.

На Эда я тружусь уже два года. О Джастине он знает. С Эдом мы впервые встретились, когда он только что сменил прежнего администратора, а у меня близился отпуск. Эд тогда познакомился с сотрудниками и спросил, что я планирую на выходные.

– Лечу в Сан-Диего, к лучшему другу, – ответил я. – Неделю там побуду, помогу там, да и жена его отдохнет, в отпуск съездит.

– Отдохнет? – удивился он. – От чего?

– У них трое детей, – объяснил я. – А Джастин в инвалидной коляске.

– В ручной?

– Нет, с электроприводом. У него отнялись и руки, и ноги.

– И на вас будут друг и трое детей, пока не вернется жена?

– Да.

Он вроде заинтересовался, и я рассказал ему все о болезни Джастина. Эд часто спрашивал о нем, и он в курсе всего, что с нами происходит.

Он замечает меня с другой стороны парка, дожидается, пока я взгляну в ответ, и кивает.

Гриль пышет ароматом ребрышек и тушеной свинины. Иду проверить мясо. Чуть вдалеке – паренек в инвалидной коляске. Уже больше года прошло с тех пор, как Джастин спросил про Испанию. Так-то мы не забывали, думали, как все устроить, только вот время не выпадало. А может, дело и не во времени, а нужен просто верный настрой.

Я смотрю на юношу в каталке и думаю о друге. Как часто Джастин просто брал и делал то, о чем многие и думать бы не стали? Не поймите превратно – он не безрассуден. Он строит планы. Но он не из тех, кто думает о том, *как* все устроить. Он всегда начинает с того, *зачем*. Если причина весома, все устроится само.

Сейчас Джастин в девяти тысячах километров отсюда, по ту сторону Атлантики, в средневековом городке на северо-западе Тосканы. Они с Кирстин захотели показать детям прекрасную культуру, с которой познакомились много лет тому назад, в свой медовый месяц. И пока я на этом пикнике, Джастин с семьей – в итальянской Лукке. Ради этого они целый год

планировали, распродают вещи, брали лишние смены и сдавали в аренду дом. Но у них были причины для такой жертвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.